

Эльдар Ахадов

Татарская
книга

мишари

Эльдар Ахатов

Татарская книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17798783

ISBN 9785447440930

Аннотация

«Татарская книга» Эльдара Ахатова посвящена волжским татарам-мишарям – близким и родным людям автора, а также воспоминаниям о пензенском крае, с которым связаны детство и юность писателя. Завершается книга авторским разделом «Восточные сказки».

Содержание

Стихотворения	5
Аби	5
Под гармошку	7
Апа1	8
Бисмиллахи-рахмани-рахим...	10
Кыш Бабай3	12
Люблю и помню	14
Часть первая. Мишари	14
Часть вторая. Люблю и помню	19
Часть третья. Довоенное время	24
Часть четвертая. Начало войны	29
Часть пятая. Джафяр-Абзи	34
Часть шестая. В блокаде	37
Часть седьмая. Память	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татарская книга
мишари
Эльдар Ахадов

© Эльдар Ахадов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихотворения

Аби

«Олом, барасынмы кая?
Кир'акми, ярабби», —
Вздыхает бабушка моя —
Татарская аби.
Со мной повсюду, аби-кай,
Твой голос на земле.
Щедра душой ты, как Тукай,
Мудра, как Шурале...
«Извечна жизни толчея,
Терпи, и все пройдет...», —
Смеется бабушка моя, —
Как солнышко встает.
Есть то, что свьше наших сил:
Так было, – Бог не дал...
И я ее не хоронил
И мертвой не видал...
Я помню только о живой,
О бабушке родной,
Что стала небом и травой,
Чтоб всюду быть со мной...
У края моря, у реки,
В лесу, в горах, в степи —
Смахну слезинку со щеки
И слышу: «Ярабби...»

Под гармошку

Эй! Подруга дорога!
Лань, косуля, кабарга!
Отвечай, пока я рядом:
Син барасын татарга?

Ты давай, мне не лай!
Был я милый, стал – малай,
По-татарски значит «парень»,
Вот случается шулай!

Мне не надо молока,
Не телёнок я пока...
Эх, душа моя – пельмени,
Син барасын татарга?

Ай, любимая, кябям!
Вуалейкум ас-салиям!!
Шундый в загсе расписаться
У меня с собой галям!

Апа¹

Есть на земле слова святы,
Хранит их памяти тропа,
Какие? Например, такие:
Миним апа – моя апа.
Всю жизнь она была в работе:
В избе, на мельнице, в саду...
Но помню, крикнешь: «Тётя, тётя!
Апа!» И слышится: «Иду!»
Спешит на голос мой по следу,
Спасает от чужих гусей,
Зовёт племянника к обеду
За стол среди родных детей.
Как пела, помню, как лечила,
Как в кружку нацедив отвар,
Меня жалея, говорила:
«Син ёрягим миним², Эльдар...»
Гляжу на давний фотоснимок,
Как в детство дальнее бегу,
И вспоминаю тётю Нину,
А по-татарски – Мушвику.
Есть на земле святы люди,
Хранит их памяти тропа.

¹ Тётя.

² Ты моё сердце.

Их, как тебя, зовут и любят,
Моя апа – миним апа...

Бисмиллахи-рахмани-рахим...

Бисмиллахи-рахмани-рахим...
На земле со времён Мухаммада
Этих слов не смолкает триада,
Как живое сиянье над ним.
И доньше молитвой храним
Средь толпы и в пути одиноком —
Восклицающий вслед за Пророком
Бисмиллахи-рахмани-рахим...
Бисмиллахи-рахмани-рахим...
Мир тому, кто восславил Аллаха,
Кто надежду для горсточки праха
Дал молитвенным словом своим!

Помню, близким моим и родным
Войн и горя досталось немало.
Только бабушка всё повторяла:
Бисмиллахи-рахмани-рахим...

Бисмиллахи-рахмани-рахим...
Что бы в мире ещё ни случилось:
Верю в Бога Единого милость,
Верю слову Пророка пред Ним.

Мухаммад, был рождением твоим,
Мир спасен, словно солнечным светом...

Вслед шепчу за отцом и за дедом:

Бисмиллахи-рахмани-рахим...

Кыш Бабай³

Улыбнись, не прозевай:
Скоро Новый год!
Это значит Кыш Бабай
К нам уже идёт!
Если ни коньков, ни лыж
Рядом не найти:
Стоит только крикнуть «Кыш!»,
И Бабай – в пути!
Он и ёлку принесёт
И мешок конфет.
За Бабаем Новый год
Ходит много лет.
Ну, а если не судьба
С Кышем для татар,
То придут Шахта Баба⁴
И девица Кар⁵!
А к рассвету, как закон,
Люди говорят:
В дверь звонит Буха-нойон
Родом из бурят...

³ «Кыш Бабай» – мифологический персонаж, подобие Деда мороза у татар и башкир

⁴ «Шахта Баба» – азербайджанский Дед Мороз

⁵ Кар кызы – снежная девушка, Снегурочка у азербайджанцев

Люблю и помню

Часть первая. Мишари

Почти всё, что я знаю о родных – из маминых рассказов и совсем немного – из раннего моего детства. Я делаю сейчас эти записи для себя и, может быть, для своих детей, если когда-нибудь это им захочется знать. Мама рассказывала фрагментарно, как вспомнит, и не рассказывала ничего для записи. Наоборот, стоило ей заметить, что я пытаюсь что-то записать, как разговор прекращался. Всё ли она рассказывала именно так, как было, а не как это отложилось в её памяти о своем детстве и своей юности, всё ли я правильно дословно запомнил – я ручаться тоже не могу. Потому что человеческие воспоминания – это не архивный протокол, а яркие пятна света во мгле исчезнувшего времени. Я же просто хочу сохранить память о тех моих родных, которых уже нет, многих из которых я и не видел никогда, и не мог видеть. Но они были. И пусть это останется в слове, как мой поклон им за то, что они – были.

Семья моей мамы перед войной жила в Ленинграде на улице Декабристов. У семьи была дача под Ленинградом, где в бочках хранилась собранная на болотах и в лесу ягода: клюква и брусника. У бабушки (её звали Аффифя Айнетди-

новна, а по-русски Агафья или просто тётя Ганя) были специальные туфли, которые мама называет «театральными», поскольку в них она с дедом ходила в театр (вероятнее всего – в Мариинский, тогда – имени Кирова, он находился неподалеку от дома). Деда звали Хасян Юсупович.

Дед мой родом из Усть-Узы Пензенской губернии (Пензенская область Шемышейский район Усть-Узинский сельсовет село Усть-Уза), некогда очень большой (несколько тысяч жителей) татарской деревни на берегу реки Узы, впадающей в Суру. Из волжских татар-мишарей. Князей этих племен, правителей городов и селений называли улугбеками. Скорее всего, отсюда и произошла фамилия деда и прадеда. Мой прадед Юсуф был высоким русоволосым с большими не монголоидного типа голубыми глазами. У деда Хасяна, у мамы, у меня – глаза карие, но тоже большие. Дед был тоже русоволосым. Мама – тоже, но до пяти-шести лет. Я тоже родился и до пяти лет был русоволосым, затем волосы потемнели. У моих сыновей в детстве – тоже русые волосы, а у младшего – голубые глаза.

Усть-Уза (местное – Оз авыл), татарско-мишарское село, центр сельсовета, в 10 км от пгт Шемышейка, ближайшая железнодорожная станция в Пензе, на берегу Сурского водохранилища. На 1.1.2004 – 533 хозяйства, 1436 жителей. Основано полковыми татарами, прибывшими из Темникова и Саранска во главе с Альмяшем Елаевым на земле, переданной им в 1683 году. К 1877 году в селе – 517 дворов, 7 мече-

тей, 2 школы. Кто такие татары-мишари? Татары-мишари – это сложный этнокомплекс, сформировавшийся в основном до конца XVI в. в пределах Мещеры, Мордовии, Нижегородского Поволжья. Помните рассказы Константина Паустовского о Мещерской стороне? Мещерской она зовётся именно потому, что это родина мишарей. В течение нескольких столетий мишари обитали в Мещере, местности, расположенной в среднем течении р. Оки. Топоним Мещерская земля происходит от названия мещерской народности. Всё правобережье Средней Волги издревле было местом проживания финно-угорских, тюркских и славянских племен. Именно там произошло формирование предков мишарей в дозолотоордынский период. В русских документах XIV—XV вв. они называются «мещеряками», а в более поздних – XVI—XVII вв. – уже значатся под собирательным именем «татары». В царской России с 1798 по 1865 гг. мишари, как башкиры и казаки, находились в военно-казачьем сословии. В Отечественной войне 1812 г. активно участвовали и мишари, сформировав 2 конных полка. 1-й полк в 1812—1814 гг. нес гарнизонную службу в г. Москве. 2-й полк прошел большой боевой путь, закончив его в Париже. Все участники взятия Парижа 19 марта 1814 г. были награждены серебряными медалями.

Особенностям татарского языка в селе Усть-Уза посвящена научная работа члена-корреспондента РАН, выдающегося тюрколога Э. Р. Тенишева. Ученые Ф. И. Гордеев, Э. Р. Те-

нишев, В. А. Никонов полагают, что географическое название Уза имеет финно-угорские корни. Действительно, судя по описаниям мамы, рослый, голубоглазый, русоволосый мой прадед Юсуп, коренной житель Усть-Узы, внешне скорее напоминал классического финна, чем привычного стереотипного татарина. Притом поговору жители этого татарского села, на мой взгляд, отличаются от жителей других татарских сел тем, что в их речи уловимы отголоски куманского языка (так арабские средневековые историки называли половцев), кроме того особенность их мишарского диалекта заключается в сохранении древних форм, присущих современным кипчакским языкам, а так же в его близости к древнетатарскому литературному языку (тюркИ).

Мишарская лексика, в отличие от казанского диалекта, характеризуется наличием значительного пласта древних кипчакских и огузских слов, немногочисленных мордовских заимствований и довольно большим количеством заимствований из русского языка. Причем, с сохранением древнего фонетического облика русских заимствований. Притом, в языке зачастую встречаются отсутствующие в литературном арабские и особенно персидские слова. По крайней мере, это утверждают ученые, и мне остается только согласиться с ними.

Жизнь моих близких складывалась чрезвычайно непросто. Конечно, как все мы теперь знаем, сложные неоднозначные исторические процессы происходили тогда повсемест-

но, но в то же время я не могу сказать однозначно, что моя родня не осознавала того, что творится вокруг. Скорее наоборот. Они понимали всё. И дай Бог нам понимать в этой жизни хотя бы половину того, что было ясно для них...

Часть вторая. Люблю и помню

Крайне сложно писать о том, что и кровно, и духовно – очень близко, как говорится, возле самого сердца... Бабушка моя (абийим) родом из Шумалака, деревни на стыке Ульяновской и Пензенской областей. Родилась аби в 1904 (или в 1903) году. Её родителей звали Айнетдин и Фяхриннися. У бабушки был брат – смуглый, как араб, Ильяс-абзи («абзи» – по-татарски «дядя», так зовет его моя мама) вполне возможно, среди предков бабушки были арабские архитекторы, которые в средние века строили в Булгарии мечети, дворцы, крепости. Был у бабушки еще один родной брат, она его очень любила, но моя мама не застала его при жизни, а имени не запомнила. Ещё была у аби старшая сестра – Няфися – апа (апа – тетя) – так её звала моя мама. Русские звали её Анфисой. Она была старше моей бабушки, причем, намного: на несколько десятков лет! Жила семья дружно, зажиточно, относились друг к другу бережно. Фамилии её отца, дедушки Айнетдина, мама не помнит, однако, либо он сам, либо их родные имели прямое отношение к роду татарских князей Айсиных.

Бабушка в юности была очень красивой, с длинными чёрными косами, общительной, с большим чувством юмора, которое, кстати, сохранила до старости. Даже я помню её забавные шутки (всегда добрые, никогда необидные), добрую

искреннюю улыбку, сметливый практичный ясный ум. Первым её мужем стал богатый молодой бек (татарский дворянин) в безумном порыве любви выкрававший её у родителей. Но вместе они были недолго: в стране полыхала гражданская война: большевики расстреляли мужа моей аби, а родившийся первенец умер у неё на руках. Слишком много было причин для смерти: террор, голод, эпидемии... Положение молодой женщины было ужасно. И тут жизнь познакомила её с моим дедом, который был в ту пору молодым отчаянным конником будёновской армии. Молодой боец влюбился сразу и навсегда. Они поженились.

Отец деда Хасяна – Юсуп был не только необыкновенно красив, но и образован, богат и уважаем всеми. Он имел карету, большой просторный дом, ухоженную усадьбу с родовым яблоневым садом, владел пахотными землями, угодьями, торговал зерном с Канадой, у него были приказчики и прислуга. Его жена, моя прабабушка Халимия, прожила долгую жизнь (моя мама помнит её ещё после Великой Отечественной войны) и даже в старости продолжала прекрасно вышивать, была опрятной, подтянутой, с великолепной осанкой, знала массу сказочных историй, которые рассказывала внучкам, но полов лично сама принципиально не мыла, всякий раз повторяя, что для этого существует прислуга.

Юсуп слыл набожным мусульманином, а его сын Хасян, мой дед, учился в медресе, владел арабским языком, читал Коран в подлиннике (я лично тому свидетель, помню как он

свободно читал по-арабски справа налево). А ещё я помню деревенскую конюшню и то, с какой любовью дед ухаживал за лошадьми, как выводил их на огороженную площадку, где кони валялись в опилках, бегали и исполняли все, что ему от них требовалось. Эта привязанность жила в нем с детства. В годы революции молодой Хасян увлекся большевистскими идеями, вступил в Конную армию Будённого. Его отец Юсуп добровольно передал большевикам свои земли и свою усадьбу, в которой теперь располагались органы новой власти.

Мама моего деда – моя прабабушка Халимя в старости жила с семьей своего сына Хасяна, поскольку он, родившийся в 1899 году, был её старшим сыном. Кроме Хасяна в семье росли его сестры Мярзия-апа, Зяйнаб-апа («апа» означает «тётя» по-татарски, так называет их моя мама, потому и я называю их так же, поскольку слышал о них от матери) и братья – Мирза-джон-абзи 1912 года рождения и Джафяр-абзи 1923 г.р.

В Конной армии у деда была опасная работа, требующая исключительной отваги и смекалки: он был вестовым, доставлял срочные пакеты с секретными донесениями из одной армейской части в другую, нередко – через территорию, занятую врагом. Лучшим боевым другом, его спасителем был для него конь. Только конь выручал своего хозяина во время погони, а когда однажды деда ранили, его конь лег рядом с ним набок, чтобы раненый друг-человек мог заползти на него, а потом унес его на себе к своим, спас ему жизнь.

Одно из ранних моих детских воспоминаний: мороз, свежий яркий запах снега смешанный с тёплым конским запахом, низкие дровни с мягким сеном и летящая из-под полозьев скрипучая снежная дорога, по которой вдоль тихого зимнего леса едем я и мой дедушка Хасян: я позади, в сене, а он с вожжами – впереди.

Партиец, большевик, участник гражданской войны, первый председатель колхоза в Усть-Узе (кулаки дважды догнали сжигали его дом), советский служащий в предвоенном

Ленинграде, участник финской и Великой Отечественной войн, блокадник, прошедший через всё, что только можно себе представить, Хасян Юсупович в конце жизни кардинально изменил свои взгляды. Он вышел из партии, молился на арабском, носил мусульманский кяпяч (татарская тубетейка). Таким я застал его в начале моей жизни – в шестидесятые годы прошлого века. В 1975 году деда не стало. Бабушка пережила его ненадолго, она умерла в 1977г.

Много горя выпало на их долю, много тяжелейших испытаний, о которых я упомяну далее, но до самого конца они были вместе, заботились друг о друге, любили и берегли своих детей и внуков, одним из которых был и я. Абийим, ёрягим миним! Бабайим миним! Слышите ли вы меня? Я вас люблю, родные мои... Люблю и помню.

Часть третья. Довоенное время

21 января 1924 года родился мой дядя Ханяфи Хасянович (или как его звали потом: Федор Васильевич) Улубиков. Судя по сохранившимся фотографиям и по воспоминаниям мамы, она очень на него внешне похожа. В 26-м появилась на свет Мушвика (тетя Нина), а в 1928-м еще одна сестра – Закия (тетя Зоя). Наконец, в 1937-м родилась моя мама – Сания Хасяновна, по сложившейся в те годы советской традиции люди называли её Шурочкой, и по сей день многие зовут её тётей Шурой или Александрой Васильевной.

Прадед Юсуп, которого любила и уважала вся семья, ко всеобщему сожалению рано ушел из жизни, причем по совершенно банальной причине: аппендицит. Его вполне можно было спасти в обычной районной больнице даже тогда, в двадцатые годы, но врачебная нерасторопность и халатность, увы, аукнулись непоправимым горем для всех домочадцев.

В школе Ханяфи был отличником, ему легко давались все предметы, а характер у него был весёлый, жизнелюбивый, даже озорной. Любил, например, поддразнивать обидчивую Закию. Подойдёт и как бы невзначай спрашивает: – Как твою классную руководительницу зовут? – Варвара Степановна. – Как? Как? Варварварвар... Сестра начинает злиться, и в конце концов бежит со слезами на глазах жаловаться маме. Ну, парню доставалось, конечно.

Сания родилась в Пензе, а вскоре семья переехала в Ленинград. Возможно, внезапный (буквально в одну ночь) отъезд семьи был связан с конфликтом, который возник у деда с кем-то из местных властей. Дело в том, что прекрасный родовой яблоневый сад, который семья деда Хасяна безвозмездно передала советской власти, эта самая власть однажды безжалостно и бессмысленно вырубил под корень на глазах деда. И, вероятно, он в сердцах позволил себе по этому поводу нелицеприятное высказывание. А на дворе был 38-й год, время стукачей и расстрелов не только по малейшему пово-

ду, но порой и без всякого повода.

Они поселились в доме номер 11 квартира 11 по улице Декабристов. На новом месте как опытный партиец и хозяйственник дед вскоре получил неплохую должность. Мама помнит, как в день получки отец принёс детям фабричную коробку с рассыпными конфетами (имеется в виду большая фабричная упаковочная тара). Федя – Ханяфи вступил в комсомол, начал самостоятельную трудовую жизнь. Жил он в рабочем общежитии на Гороховой улице дом 6. С первой же получки брат купил самой младшей сестре красивые туфельки. Она помнила о них всю жизнь. Среди сверстников Федор был заводилой. Мама помнит, как они с ребятами шли-маршировали по улице и громко пели советские песни. Особенно часто «Песню о Щорсе»: «Шел отряд по берегу, шёл издалека, шел под красным знаменем командир полка...».

Однажды, он с друзьями возвращался из леса, где они собирали много переспевшей ягоды – то ли голубики, то ли черники. Естественно, и сами напробовались. А запах от переспевшей ягоды очень напоминал винный. И бабушка решила, что Федя выпил (хотя он никогда не пил) и не признается. Она сильно рассердилась на него и шлёпнула его при всех полотенцем. И тут друзья за него вступились: показали собранную ягоду. Бабушка расплакалась от того, что ей стало жалко сына, к которому она только что была так несправедлива.

Тем временем дед Хасян снова оказался на войне: теперь он воевал с белофиннами. Финская война длилась всю зиму 40 года. Когда-то в детстве он рассказывал мне об этом, но, к сожалению, я почти ничего не запомнил, кроме его слов о том, что стояли крепкие морозы. А ещё – что финские солдаты были очень мужественными и достойными противниками, которые крепко сражались, но никогда не позволяли себе той подлости, на какую оказались способны немецкие фашисты, особенно эсэсовцы. Сейчас я понимаю, что даже в те времена взгляд моего деда на окружающую политическую действительность оставался непредвзятым. Белое чёрным так же как и чёрное белым он никогда не называл.

В Ленинграде проживала не только его семья, но и семьи его сестер – Зяйнаб-апы и Мярзии-апы. Перед самой войной прабабушка Халимия вдруг собралась и выехала из города на Неве, заявив, что вот-вот начнется война и что в Ленинграде оставаться опасно. Она – единственная из семьи, кто не попал в блокадное окружение...

Часть четвертая. Начало войны

Федора не брали в действующую армию по возрасту – 17 лет, возраст непризывной. Но он нашел выход: война сама приближалась к дому, вражеское кольцо вокруг Ленинграда сжималось с каждым днём, и Ханяфи ушел добровольцем в партизанский отряд. Он участвовал в самых рискованных операциях: о пулеметном расчете, уничтожившем несколько сотен фашистов, писала в 1942 году «Ленинградская правда», одним из двоих в этом расчете упоминался партизан Фёдор Улубиков. Однажды, отряд попал в сложную ситуацию: фашисты обложили лес постами, кончились продукты, начался голод, бойцы слабели на глазах. Федор с товарищем ушел в разведку, им удалось не только миновать немецкие посты, но и выследить вражеский продуктовый обоз, распу- гать охранников выстрелами и гранатой, создав впечатление, что партизан вокруг много. На самом деле, если бы немцы догадались, что перед ними всего пара партизан, исход боя однозначно был бы иным. Но в результате всё кончилось благополучно: отряд был выведен из окружения, а бойцы спасены от голодной смерти.

И таких операций с участием моего дяди было много. На фотографии военного времени я вижу его с двумя боевыми медалями на груди...

Недавно в обобщенном банке данных «Мемориал» я нашел архивную запись о судьбе брата моего деда Мирза-джона-абзи: «Номер записи 1858411, Улубеков Мирза Юсупович, год рождения 1912, место призыва Красногвардейский РВК, Ленинградская обл., место службы 122 Танковая Бригада, воинское звание ст. сержант командир отделения, дата выбытия 29.11.1941, причина – пропал без вести в районе Твердово...» Он не пропал без вести поздней осенью 1941 года. Уже после войны мой дед искал его следы на земле, а нашел – его племянника, родного сына брата Мирзаджона, о существовании которого мой дед ничего ранее не знал.

Зифрид (или Зигфрид?), такое имя носил сын Мирзаджона, рассказал, что родился он в Даугавпилсе (Латвия), что его отца и мать расстреляли фашисты, а его, плачущего грудного младенца, не стали добивать, сказали: «И так подохнет». Но ребенок не умер, его подобрала и вырастила многодетная мать, простая прибалтийская женщина. Командир отделения Улубеков скорее всего попал в плен и был отправлен в Даугавпилс, где находился лагерь военнопленных.

Вообще, архивные данные, с которыми я ознакомился, вызвали у меня лично по меньшей мере удивление: ни в одном случае я не могу сказать, что в них содержится окончательная правда о судьбе моей родни. Ни в одном! Написано: Мирза Улубеков пропал без вести в 41 году. На самом деле

реально существует его сын, родившийся не ранее 1943 года! Но об этом – нет ни слова. На самом деле Улубекова расстреливают (тоже не позднее 1943 года), судя по фразе, которую поняла приемная мать-латышка (вряд ли простая женщина знала немецкий), не немцы, а латышские фашисты. За что? Далее мне удалось выяснить следующее: в феврале 1943 года поднял восстание и перешел на сторону партизан первый татарский батальон «Идель Урал», сформированный немцами из пленных татар для борьбы с большевиками. Когда татары перебили немецких офицеров и в полном составе перешли на сторону партизан, гитлеровцы начали ответные репрессии. Скорее всего Мирзаджон был участником татарского подполья, так же, как знаменитый татарский поэт Муса Джалиль, находившийся, кстати, в Даугавпилсе в концлагере Шталаг-340 в период с 2 сентября по 15 октября 1942 года. Для того, чтобы иметь возможность продолжать участвовать в борьбе с врагом, Джалиль вступил в созданный немцами легион «Идель-Урал», организовал среди легионеров подпольную группу и устраивал побеги военнопленных. Гестапо арестовало Джалиля и большинство членов его подпольной группы за несколько дней до тщательно подготавливаемого восстания военнопленных в августе 1943 года...

Судя по тому, как фашисты застрелили Мирзаджона и его жену, похоже, что это была карательная операция. В любом случае можно сказать одно: старший сержант М.Ю.Улубеков, пропавший без вести в конце ноября 1941 года, на са-

мом деле ещё почти два года продолжал борьбу с фашистскими захватчиками и погиб от их рук в 1943 году в городе Даугавпилс... Погиб, как герой.

Часть пятая. Джафяр-Абзи

В 42-м году прабабушке Халиме, матери моего деда Хасяна и его братьев Мирзаджона и Джафяра, пришла похоронка на сына. Недавно в архивных документах я обнаружил следующие записи (фамилия и имя, как всегда, искажены): «Улубинов Жафер Юсупович, год рождения 1923, место рождения Пензенская обл., Шемышейский р-н. с. Усть-Уза, место призыва Хвойнинский РВК Ленинградская обл., место службы 375 стрелковая дивизия, звание красноармеец, убит дер. Ножкино Ржевский р-н Калининская обл., дата выбытия 17.02.1942, Место захоронения Калининская обл. Ржевский р-н д. Бахмутово, братская могила»...

Я не видел войны, и вообще родился через 15 лет после её окончания. Но я помню Джафяра-абзи! Я помню, как он возился со мной, играл, шутил, катал на своей ноге (я сидел на ней верхом, а он ею раскачивал: такие импровизированные качели), даже помню, что нога была в кирзовом сапоге! Дядя Джафяр умер в 1968 году...

Командование приказало молодым солдатам развести костры для обозначения взлетно-посадочной полосы. Ожидали самолета из-за линии фронта с партизанской территории. Была зима, ночь, мороз. Никто не спал, Джафяру с товарищами разрешили подсушить одежду, погреться возле одного из костров. Из-за леса послышался гул самолета, и вдруг

с неба посыпались бомбы! Вместо ожидавшегося нашего прилетели немецкие самолеты и начался ад! Одна из первых же бомб упала прямо в тот самый костер, возле которого грелся Джафяр и его товарищи. Трупов было очень много. Всё тело Джафяра было иссечено осколками, голова залита кровью, челюсть оторвана... Трупы пересчитали пофамильно, стали складывать в сани, чтобы увезти и закопать. Кому-то из похоронной команды показалось, что тело Джафяра ещё дышит. Проверили: молодое девятнадцатилетнее сердце ещё бьётся. И отправили тяжелораненого не в могилу, а в госпиталь.

Джафяр-абзи перенес бесчисленное число операций, из него извлекли массу осколков, в том числе и в районе сердца. Хирурги пришили ему язык, сделали искусственную челюсть, обтянули её кожей с его же тела (чтобы не произошло отторжения). Я помню его ужасно изуродованное лицо и добрые тёплые глаза человека, пережившего бесконечную нестерпимую боль... И вот однажды Джафяр постучал в дверь родного дома. Он боялся, что мама Халимия не узнает его из-за страшного уродства, но мама узнала его сразу, кинулась к нему, обняла, вскрикнула и... потеряла сознание.

Прошло два года и вдруг, однажды утром Джафяр просыпается необыкновенно бледным и пишет карандашом записку: «Мама! Я видел во сне, как бомба упала мне на грудь. Я не могу говорить. У меня отнялся язык». Врачи сказали, что речь к нему вернется так же внезапно, как исчезла, но нуж-

но время. Прошло еще несколько лет. И речь действительно вернулась к Джафяру точно так же – однажды утром...

Мужиком он был работающим, на селе (а жил он после войны в родной Усть-Узе) считался мастером на все руки, а в шестидесятые годы (когда я успел увидеть его и запомнить) был бригадиром плотницкой бригады. Чудо – то, что он дожил до 68-го года, хотя и прожил в итоге всего 45 лет. И не все осколки удалось извлечь, не все... Так и похоронили его – с осколками...

Часть шестая. В блокаде

О блокадном Ленинграде написано и сказано много. Я не задаюсь целью пересказывать общие места, мне важно рассказать о своих близких...

Когда звучала сирена воздушной тревоги, все должны были прятаться в бомбоубежищах. Но это знают взрослые, а маленькие дети не знают что делать, особенно, если в этот момент мамы нет рядом. Мама была маленькой девочкой, у которой был ещё годовалый братишка. И однажды бабушка встревоженная сиреной вбежала в дом и не увидела детей. Оказывается, они забрались под кровать и сидели там тихо, как мыши, в ожидании бомбёжки...

Наступали голодные времена, и тут нашей семье несказанно повезло! Возле дома, где они жили, бомбой убило лошадь! Все, кто жил неподалеку, так разобрали её на мясо, что не осталось ничего, кроме копыт и хвоста... Конечно, этого хватило ненадолго, но хотя бы на время смягчило голод.

Старшие девочки Мушвика и Закия терпеливо сносили голод, но маленькая Шурочка-Сания всё время просила есть, а малыш постоянно плакал. Семья пухла от голода. Они перебрались в дачный домик, но и там было не намного лучше. Зяйнаб-апа, сестра моего деда и пятеро её детей умерли от голода. Каждый день у Зяйнаб умирал ребенок, последней умерла она сама, легла рядом с мертвыми детьми и умерла.

Их похоронили на Пискаревском кладбище в братской могиле.

Летом 42-го года старший брат мамы, партизан Ханяфи-Федор добился, чтобы его мать и сестер эвакуировали по Ладоге на санитарном корабле. Это было страшное плавание. Невзирая на санитарные красные кресты немецкие самолеты в упор расстреливали переполненный ранеными пароходик. Бабушка обхватила руками ребятишек, прикрыв их собой, и молила Бога о том, чтобы либо они спаслись все, либо чтобы убило всех сразу. А рядом кричали и умирали беспомощные люди. С тех пор моя мама не может выносить звука пикирующих самолетов даже в документальных фильмах, ей сразу становится плохо: тот неопиcуемый дикий ужас, пережитый в детстве, возвращается снова и снова.

Три месяца они: то ехали поездом, то стояли на станциях (неделями!), попадали под бомбёжки, выбирались из горящих вагонов и ехали снова. И голодали, голодали, голодали, меняя на хлеб всё более-менее теплое и хоть сколько-нибудь стоящее из одежды. Животик у малыша опух, посинел и, однажды, младший братик моей мамы умер. Так и не увидел малыш далекой сказочной Усть-Узы.

Уже выпал снег и ударили морозы, когда, наконец, они добрались до села и постучались в домик бабушки Халимы. Но это было не то хлебное богатое село, каким оно было когда-то. Запасов у бабушки не было никаких. Они делили на всех три картофелины в день, хлеба не было совсем... Са-

ния постоянно плакала и просила есть. Положение становилось безвыходным. Беженцам не на что было жить дальше.

И тут случилось чудо... Однажды ночью в их дверь постучались. Бабушка открыла дверь. На пороге стоял странный мужчина в годах в старой шинели. Видно было, что шел он долго и издалека. Он попросился переночевать. И моя бабушка впустила гостя. Она постелила ему и стала думать, что предложить из еды. Кроме трех картофелин, которые нужно было поделить на себя и всех детей – дома не было ничего. Что поделаться? И она решила поделиться с гостем и этим. Положила картошку в чугунок и поставила в печку варить. Мама спросила бабушку: кто такой этот дядя? Аби ответила ей, что он – их дальний родственник.

Когда картошка сварилась, бабушка хотела пригласить гостя отужинать, но он уже спал или сделал вид, что спит. А наутро он и вовсе исчез. В прямом смысле. Ни соседи его не видели, ни следов на снегу не осталось. А чугунок оказался доверху полон горячей картошки. Мало того, с этого дня жизнь семьи переменилась к лучшему. Их позвали жить в Ермоловку (40 км от Пензы в сторону Тамбова) – там была картошка. Мама прошла вместе со всеми 80 километров пешком от Усть-Узы до Ермоловки. В чем душа держалась у шестилетнего, страдающего от хронического недоедания ребенка! Но дошла.

– Кто был этот дядя, мама? – опять спросила она мою бабушку.

– Святой, доченька, – ответила ей мать, – наш святой...

Часть седьмая. Память

В 43-м приехал на побывку брат Фёдор (Ханяфи). Недолго он был, всего несколько дней. Мама запомнила руки брата, большие, сильные: он поднял её под самый потолок:

– Шурочка моя! Как же я тебя люблю!

Брат рассказывал старшим сестрам моей мамы, как был в плену у немцев, и что его, как партизана, зверски пытали, истязали, и что ему чудом удалось бежать. Он сказал, что больше никогда не попадет в плен, потому что теперь носит с собой гранату – на самый крайний случай.

И он опять уехал туда, за линию фронта... Я помню пожелтевшую фотографию, на которой мой дядя, улыбающийся, с папироской в зубах, в гимнастерке с медалями на груди позирует на фоне леса вместе с группой своих товарищей. Один из них – в центре – в белой рубашке, с развернутым аккордеоном, в шляпе, особого тирольского покроя, какие у нас никогда не носили... На обороте фотографии – записка простым карандашом, который позднее (и, видимо, не раз) обводили тоже то простым карандашом, то химическим... В ней дядя сообщает своей маме, что его забросили в Польшу и теперь он будет вести борьбу с врагом здесь. И ещё о том, что с ним всё в порядке, что он любит маму и сестер. Судя по фотографии она была сделана летом, по крайней мере – в теплое время, самое позднее – в сентябре и датирова-

на 1944г. Это была последняя (по крайней мере – известная мне) весточка от Федора Васильевича Улубикова.

В конце февраля 1945 года дед Хасян, проживавший по адресу г. Ленинград улица Декабристов дом 11 квартира 11, обратился с запросом об исчезновении сына. Ничего более странного я не читал. В запросе написано, что Улубиков Федор Васильевич был призван в армию 26.02.1945 Дзержинским РВК г. Ленинграда и тут же (запрос датирован фев-

ралём!) исчез, связь с ним утеряна и писем от него не было. Какие письма, если в феврале всего 28 дней?! Что за бред? Для чего всё это было составлено и написано? Почему партизан-разведчик, гроза фашистских оккупантов даже в книге памяти Ленинграда (том 6-ой, страница 598) упомянут как пропавший без вести простой красноармеец?

Если бы его оклеветали и назвали «врагом народа», если бы НКВД официально арестовало его, то должны были бы иметься документы по этому поводу... Но их нет! Нет! Я не сомневаюсь в том, что его убили. Но пока что я очень сомневаюсь в том, что его убили именно немцы....

У меня есть копия именного списка безвозвратных потерь Телегинского райвоенкомата Пензенской области (под грифом «Секретно») 1946 года за подписями майора Несвита и ст. лейтенанта Климова. Единственная фамилия, на которой нет печати «пропал без вести», а есть надпись «не числится, нет военного адреса части» – фамилия моего дяди. Я обратился в архив министерства обороны и получил официальный ответ. Мой дядя принял партизанскую присягу и сражался с фашистами в составе 11-ой Волховской партизанской бригады с 15 января 1942 года по 24 марта 1944 года. 20 сентября 1943 года он был награжден медалью «За оборону Ленинграда», а 16 марта 1944 года – медалью «Партизану Отечественной войны» Первой степени. Нашлись документы, в которых значится, что призван он был Дзержинским райвоенкоматом 7 февраля 1945 года, а непосредственно пе-

ред этим якобы находился по адресу г. Ленинград ул. Дзержинского дом 6 (общежитие). Далее 16 февраля 1945 года из 36-ой запасной стрелковой дивизии он направляется в 204-ый запасной стрелковый полк. 23 февраля Улубиков прибыл в полк, а 3 марта – выбыл оттуда в 122-ой стрелковый корпус. Других сведений о нем в архиве нет, поскольку в архивах этого корпуса он не значился нигде ни одного дня.

Из всего этого получается, что в феврале 45-го мой дядя не пропал без вести и, по крайней мере, 3 марта был еще жив! При этом: архив минобороны не сообщает ни слова о том, что он воевал в Польше. А он там точно воевал, поскольку есть фотография с его собственным свидетельством об этом факте: на ней рядом с дядей люди, одетые явно не по-русски и не по-советски.

Из полученной информации я постарался выжать всё возможное. Начну с 122-го стрелкового корпуса. На начало марта он находился в Латвии и участвовал в кровопролитных боях. Предположим, дядя действительно направился туда третьего марта. 1 марта 1945 г. 122-й стрелковый корпус состоял из 56, 85 и 201-й стрелковых дивизий. Однако, 5 марта 1945 г. из состава корпуса вышла 56-я стрелковая дивизия, одновременно корпусу была подчинена 51-я гвардейская стрелковая дивизия. 12 марта 1945 г. из состава корпуса вышли 51-я гвардейская и 201-я стрелковые дивизии, а в корпус возвратилась 56-я стрелковая дивизия. С 26 марта 1945 г. корпусу была подчинена 332-я стрелковая дивизи-

зия. При такой чехарде с составом корпуса уследить за тем, кто в него прибыл и тут же успел погибнуть, учитывая кровопролитные бои, очень сложно, если вообще реально в боевой обстановке.

Федор Улубиков был награжден в марте 44-го медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Эта медаль до 1974 года была единственной медалью СССР, имевшей 2 степени. В чём разница? Медалью второй степени награждено значительно больше людей – на 14 тысяч больше. Вторая степень давалась за «личное боевое отличие в выполнении приказов и заданий командования». А первая – «за особые заслуги в деле организации партизанского движения», а также «за... выдающиеся успехи в партизанской борьбе». В остальном слова в статутах медалей совпадают. То есть, мой дядя отличился не просто личной храбростью, а, как минимум, инициативой, если не прямым руководством в проведении каких-то боевых партизанских операций! Естественно, что попал он в Польшу именно потому, что являлся специалистом в своем боевом деле, скорее всего, как минимум, владел всеми видами огнестрельного оружия и навыками подрывного дела. Всё логично. Но в таком случае абсолютно нелогично, что его вдруг призывают в армию простым стрелком, как желторотого восемнадцатилетнего юнца из, извините за выражение, глухой деревни. У него за плечами трехлетний уникальный опыт ведения боевых действий в сложнейших условиях вражеского тыла, когда те-

бя некому прикрыть ни справа, ни слева, и нет у тебя ни танков, ни тыла, ни артиллерии, ни авиации... Очень, очень странно.

К сожалению, при жизни деда я не успел (мне было 14 лет) догадаться спросить его ещё об одном: зачем он вдруг начал искать сына через военкомат, если в феврале 45-го они оба на самом деле находились в Ленинграде в нескольких городских кварталах друг от друга: улица Дзержинского (ныне Гороховая – это буквально рядом с улицей Декабристов)? И вообще: зачем моему дяде понадобилось ночевать в каком-то рабочем общежитии, когда рядом папина совершенно пустая квартира??? Видимо были некие причины, независящие от них. Или же... на самом деле всё обстояло совершенно иначе. Как именно? Предположим, дядю убили НКВДшники: без предъявления обвинений, без следствия и суда. Просто убили и всё. А потом... начали выдумывать документы и призыв в армию, и пропажу без вести простого рядового какого-то там корпуса у чёрта на куличках, а не военспеца, кем он на самом деле был к тому времени...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.